

A watercolor illustration of a train and a dog. The train is the central focus, with a yellow and grey color scheme. It has a large front window and a smaller one on the side. The dog is in the foreground, looking towards the viewer. The style is soft and painterly, with visible brushstrokes and a warm, golden-yellow color palette. The train is on tracks, and there are some puddles or wet ground in the foreground.

СОБАКИ
БЛИЖНЕГО
СЛЕДОВАНИЯ

АЛЕКСЕЙ
КОНОНОВ

Алексей Кононов

Собаки Ближнего Следования

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70726516

SelfPub; 2024

Аннотация

Леонид садится в электричку, где знакомится с двумя чудаковатыми попутчиками. Старик Фатум говорит, что каждый человек имеет предназначение. А молодая девушка Вита, напротив, утверждает, что предназначение – это чушь; нужна лишь голодная власть, именно она делает человека счастливым. Фантастическая притча о важности своевременных решений.

Алексей Кононов

Собаки Ближнего Следования

Носится слух, что осенью, в пору меж волка и собаки, мысли будто пришлые чужаки. Так и есть. В это время случается нужда разговориться с самим собой, отстраниться, что ли, взглянув на обстоятельства иначе.

– Поедешь-то как, Леонид? Карман нынче держи шире, деньжонок в нем столько, что заскулит от таких грошей задворная метиска; гавкнет, пойдет отнимет у бездомного огрызок буханки, из милости пёсьей поделится. Карман держи шире – тискать там нечего...

Пробирал озноб. Я по-прежнему бубнил:

– Взгляни выше, Леонид, там в стороне... напряги щемотные зенки. Провода нашел? Треск услышал? Это пантографы коснулись проводников, скоро люди разменяются с электричкой двумя часами жизни. Перрон заметил? Побитый попрошайка, а не перрон; чумаза от грязи подошв платформа.

Сделалось сволочно, гадко.

– А, забор – придется лезть. Вон и гнилой поддон на прутья облокочен. Интересно, самодельщина выдержит?.. Ну-ка, попробуем.

Вагон дрожал. Озорной рукой был исцарапан рыжий пластик сиденья, а на полу меж бортом и барахлящей печкой жалась пустая бутылка «жигулевского». Еще бы нет – и контролеры были здесь: угрюмые, готовые рассволочиться за чепуховый грешок, блюстители порядка.

– Не трухай, Леонид, – бодрил я себя, – ехать придется в любом случае. А раз выпала участь зайца безбилетного, то на одной из остановок нужно бежать душетрясам за спины. Способ позорный, но пролетарию свойственный.

Динамик выхрипел название следующей станции, двери закрылись. Электричка, мерно покачиваясь, набирала ход. А я никак не унимался, нервничал:

– Вспомни, Леонид, кем грезил стать, где жаждал оказаться? То пацанская мечта, наивная и глупая. Смотри, там за окном, во мгле... Видишь, шкерится в поисках теплого местечка дворняга? Думать будешь о глупостях – непременно поделишь ее участь. Не трухай, пусть юность кончилась, но пора зарабатывать деньги. А первое собеседование, так оно случается со всеми без исключения.

– Сударик, эй! Никак не доспишь? – звучал надо мной чей-то голос.

Обращение двоедушное, необычное. И мужиковатое, если сказать басовито, и добросердечное, если выдержать ин-

тонацию.

– Спасибо за интерес, – так и не разобрав, кто говорит, подал голос я. – Когда сквозит от окна ледяным ветром, сон морит смело и наверняка, а веки пудовые, не продрать. Эх, зараза, взялся надзирать за контролерами и заснул.

– Перебещ-щик, что ль? – спросил этот некто.

– Пассажир. Скованный. Непростой... – Объяснение оборвалось на полуслове, приглядевшись со сна, гортань сдавила невинную усмешку.

Сиденье напротив заняли двое.

Посади их по отдельности – и ничего особенного, люди как люди. Но, фигурируя рядом, они порождали диссонанс, словно название стихотворения никак не вязалось с содержанием или «Лунная соната» исполнялась в до-мажоре.

Противоречие создали старичок-анахронизм и эпохальная блондинка в расцвете сил; на нем висела ветровка не по погоде и съехавшая набок сине-зеленая шапка с шильдиком «Зенита», а на ней – платье и кашемировое пальто; у него на ногах паршивые ботинки, у нее – каблуки и блеск начищенной кожи; он напялил то, что подарила улица, она купила вещи в дорогом бутике.

– Перебежчик, но только на этот месяц, – не растерялся я.

Девушка с самого пробуждения препарировала меня своей беззастенчивой зрительной въедливостью. Иначе говоря, тупо тарасилась.

– О, как! – Густые брови старика выгнулись горбатым мо-

стом. – Обещать – не делать, сударик: ты зарок, упреждая время, не давай. Здесь люд спует многие леты, экономять окаянные на своей жизни. Первая собака дня несет трудолюбов на химкинский «Энергомаш». А ты куда выехал?

– Ну и неотвязчивый же ты хрыч, Фатум. – Нет, девица не щетинилась. Напротив, выглядела прижимистой на эмоции, с привкусом окаменелой хмури в словах. Она констатировала факт, а не искала скандал. На такой же манер выдвинула догадку: – Погляди на него – на билет денжат нет, потому как он едва окончил учебу. Чистый, опрятный и на легком взводе. А это значит, парнишка едет становиться винтиком системы – на стресс-интервью.

Старик втихомолку достал из-за пазухи целлофановый пакетик с жирным сочным беляшом и показательно отхватил добротный кусок. Беляш сочился маслом, пара капель соскользнула на серую ткань ветровки.

Штиль сменился бурей, девушка вмиг скатилась до панибратства:

– Шквара, знай, ты самый убогий из всей вашей вшивой братии. Понял? Еще и дышать будешь на меня всю дорогу тухлым мясом!

– Потеха шутку сторожит, а я ее на волю отпускаю, – приснул старик.

Он чамкал так, что губы покрылись жирком, а к подбородку пополз липкий сок.

– Виолетта, знай, заткнуть твое надменное поддувало все-

гда имеется возможность.

В ответ на тираду та отодвинулась на край сиденья, надула губы – вошла в амбицию. Столь же изумительно, сколь и нелепо: старичок взял верх, вооружившись одним лишь беляшом.

– Сударик, верно трепушка изложила?

Прозорливая и смышленная, она угадала во всем. Удивительный эффект оказал ее укол, вместо злости – желание расположить к себе.

– Отсутствие денег может показаться проблемой, но и только... – Я отыскал взгляд девчонки и, хорошенько скрыв свою дубоватость, выдержал его. Затем углубился в детали: – На заводе открыта вакансия инженера. А потому, как только войду в должность, стану покупать билеты, а затем, с повышением, сниму квартиру. Это непременно случится, ведь я готов вкалывать ради своего будущего, а не просиживать рабочий день. Уверен, утвердят именно мою кандидатуру, и полировать сиденья, как многие здесь, не придется.

Вначале тихо, затем все громче и четче раздались хлопки: Виолетта била ладошками – аплодировала, указывая на то, сколь весомый эффект возымела моя тирада.

– Послушай, Фатум, а молодчага-то ничего – умеет агриться. У меня спесивые в цене, но вот недалекость, свойственная молодости, все же калит. – Она скривила лицо, не иначе как съела кислого. – А потому, напыщенный детеныш, эти овации в твою честь!

– Тьфу, м-ля, это ты у нас чванливая, а не он спесивый! Погоди мне, кикимора, издевки кидать... – гаркнул всерьез дед, обливая каждое слово сталью, однако моментом позже разительно ласково обратился ко мне: – Ты внимание на эту дуреху не обращай. Она везде свой припудренный шнобель сует, дотошный он у нее. Словно магнитом тянет в чужую задницу, словно эта задница не из плоти и крови, а из железа и трюфелей.

– Наверное, выговориться хочет, – обалдело предположил я.

– Пущай молча сносит свою немоготу, – на морщинистом лице проклеивалось самодовольство. – Рассуди-ка, сударик, вопрос один, уважь закоснелого дедушку. Вот вы годы молодые на суету размениваете, а бытием любоваться позабыли. – Старик, поправив голос, кашлянул и продолжил: – Когда, скажи, восходов золото встречать, огонь закатов провожать, с любимой на карьерчике песчаном поцелуй менять на закулисное, кх-м, таинство? Авось понял, о чем речь.

– Понял, – отозвался я, давя стыд, но позицию менять не хотел, упорствовал. – Сейчас задача стоит иная – добиться благосостояния. А любимая, к-хм, подождет и закулисье, и таинство, и карьер подле речки.

– Да ты пойми! – раззадорился старик. – Это сейчас у тебя может быть так. А вот уже завтра всё, шабаш, кранты и, в общем-то, хана. Ничего уже не будет. Ни-че-го-ше-нь-ки! Однако же юность славится упрямым лбом, не прошибить

такой, зар-р-раза. А посему ты мне, конечно же, не веришь?

– Конечно нет, такому не случиться. В противном случае – что вы предлагаете?

– Уподобься мне, сударик, свободному от забот и непреклонному для криводушия жизни человеку. Знаешь ли ты, милый друг, что дом – это всего лишь поводок? То – чистая правда. А карьера? Ну, ты уже понял: она меня сторонится, как зубатой псины со смрадным дыхлом. Некому мой путь понять, ум людской скуден на восприятие. Да и пуц-щай, не главное! В общем, помни, сударик, на поле брани между Жизнью и Судьбой мой выбор извечно в пользу последней.

– То есть вы бомж, – догадался я.

– Бомж-бомж! Ну не смешно ли? – Виолетта ждала okazji вставить свои «драгоценные» пять копеек.

– Попрошу вас, господа, выражайтесь корректно – без определенного места жительства. – Старик вытянулся пружинкой, будто произнесенные слова облекали его в титул, а не пристыжали. Вслед сказал: – И это со мной произошло исключительно по собственной инициативе. Понимаешь, сударик, того требовала ситуация, но сейчас не об этом. Мне кажется, в тебе есть задаточек. Как зовут-то?

– Леонид.

– Петр Алексеевич Фатум, – и старичок кротко склонил голову. – Не имеешь ли охоту пристать к подобным мне? Наш вид выводится, уж мало осталось. Потому рады-раде-хоньки каждому человеку судьбы. Ну же, соглашайся, не по-

жалеешь, сударик.

Дед подмигнул, а затем, щурясь от удовольствия, опрокинул остатки беляша в рот.

– Старикан, память подвела? – напомнила о себе девица.

– Ах-х, – вздохнул Петр Алексеевич. – К сожалению, правила обязывают представить грубиянку: это, как ты имел возможность догадаться, Виолетта.

– Можно просто Вита, – и с этими словами, не вставая, она изобразила что-то наподобие реверанса. – Итак, Леонид, околomoгильный хрыч сделал предложение. Весьма паршиво, кстати, никаких скилов коммуникации. Ну в самом-то деле, Фатум, подводишь свою сторону.

– Быстрее давай, контролеры скоро пойдут! – Старик пальцем постучал по запястью. Часов у него не было, но все поняли, что время поджимает.

– Уговорил, седой, – снисходительно согласилась Виолетта. – Со мной все гораздо проще, не то что тягомотина про судьбу.

Ситуация скатилась в комедийную сценку провинциального школьного театра. Поскорее бы распрощаться с этими странными персонажами. Что Петр, что Виолетта – не совсем обычные люди, может приятели, или она ему внучкой приходится – не знаю. Известно только, что оба с некоей диковинкой, прибабахом. На всю, блин, голову...

Контролеры как раз снялись с места, послышалось «предъявите, пожалуйста, билеты». Момент лучше не при-

думаешь.

– Кажется, мне пора, – дружелюбно решил откланяться я.

А где-то внутри проскользнула шальная мысль: вдруг эта парочка спохватится следом?

– Сидеть! – Виолетта твякнула, да так что любого под ее взглядом пригвоздило бы к полу. – Короче, паря. Этот хрыч – представитель судьбы. Честно скажу, судьба – крайне непонятная и сомнительная субстанция, куда приведет – один дьявол знает. Может, и хвост ты протянешь, если согласишься. Такое случилось, дед не даст соврать.

– Бывало, – Петр Алексеевич пожал печами, словно не понимая, какой сильный это минус.

Виолетта продолжила:

– А я – представитель жизни. Стабильность, порядок и развитие – это обо мне. Ты же хочешь устроиться на работу, получить повышение и реализовать свои амбиции? Ну так вот, на твоём пути это непременно произойдет. Ты только выбери.

...Эти двое, они что, действительно, психи?! Ненормальные.

Один взавравадшний бомж, у него точно нет билета, его высадят на следующей остановке. Девица – палец в рот не клади, откусит у самой ключицы. Ладно, Петр вполне сойдет за блаженного, ничего, бывает, он стар. Но Виолетта, она-то в своем уме? Всерьез предлагает чистую ахинею. Ничего не имею против, каждому свой сорт тараканов под скальпом.

Однако мне решительно пора.

– Ты нужен жизни, Леонид. Подумай, как все блага цивилизации могут оказаться у твоих пяток. Будоражит, верно? А теперь дай ответ: готов ли ты избрать путь материального процветания, став частью великой системы? – Виолетта была приятно озороватой и по-деловому кокетливой.

– Сударик, тебя ждет предназначение, уготованное судьбой. Принять его – поставить на кон все мирское и оказаться вне системы, жить иначе... Отважишься? – Петр был серьезен, глядел строго и ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.